

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

О.Ю. МАЛИНОВА

**КОНСТРУИРОВАНИЕ
СМЫСЛОВ:
ИССЛЕДОВАНИЕ
СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

МОНОГРАФИЯ

**МОСКВА
2013**

УДК 32
ББК 63.3 (2)
М 18

*Серия
«Политология»*

*Центр социальных научно-информационных
исследований*

Отдел политической науки

Рецензенты: д-р полит. наук, проф. *М.В. Ильин*,
д-р полит. наук *И.С. Семенов*

Малинова О.Ю.

М 18

Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки. – М., 2013. – 421 с.
ISBN 978-5-248-00671-7

Рассматриваются теоретические и методологические проблемы изучения символической политики как сферы соперничества различных способов интерпретации социальной реальности. Исследуется связь между трансформацией публичной сферы в России после распада СССР и изменением условий производства и конкуренции общественных идей. Анализируются особенности практики публичных дискуссий. Особое внимание уделяется дискурсивному конструированию постсоветской идентичности.

Предназначено для исследователей-политологов, преподавателей и студентов, а также для всех, кто интересуется вопросами развития политической науки.

УДК 32
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-248-00671-7

© ИНИОН РАН, 2013
© Малинова О.Ю., 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

Часть I.

КАК ИЗУЧАТЬ «ИДЕАЛЬНЫЕ» АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ? МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ

1. Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: В поисках адекватной методологии	18
2. Концепт идеологии и его использование в политических исследованиях	36
3. «Политическая культура» в российском академическом и публичном дискурсе	57
4. Идентичность как категория политической практики и научного анализа	84

Часть II.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ И БОРЬБА ЗА СМЫСЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

5. Эволюция институциональных условий производства и конкуренции политических идей в России: От 1990-х к 2010-м	96
6. Идеологические представления российской политической элиты: Анализ интервью для СМИ (2008–2009)	127
7. Дискуссии о модернизации: Особенности российской практики обсуждения общественных проблем (2007–2011)	166
8. Между агитацией против «других» и демонстрацией «единства»: Избирательная кампания В.В. Путина (2012)	186

Часть III.
ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ
ПОСТСОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

9. Конструирование макрополитической идентичности и официальная символическая политика	207
10. Использование прошлого в официальной политической риторике	231
11. Идеологема «империи» в дискуссиях о государстве и нации	252
12. «Долгий» дискурс о национальной самобытности в контексте постсоветской трансформации: Оппозиция «западничества» и «антизападничества» в конце XX в.	281
13. Образы России и «Запада» в дискурсе власти (2000–2007): Попытки переопределения коллективной идентичности	317
14. Дилеммы российской идентичности: Императив «нации» и соблазн «цивилизации»	349
Заключение	370
Список литературы и источников	374

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга не была изначально задумана как монография. Она стала результатом серии исследований, объединенных поиском ответов на два взаимосвязанных вопроса: как публичная конкуренция разных способов интерпретации социальной реальности влияет на политические институты и практики? И как это можно изучать? Контекстом, применительно к которому эти вопросы ставились, были современные политические процессы в России. Очевидно, что изменения в «идеологической сфере» были значимой составляющей постсоветской трансформации. Однако каковы их последствия для политической системы в целом? Каково «качество» нынешнего плюрализма идей и дискурсов? Насколько эффективно они выполняют функцию интеграции и размежевания политических сообществ? Как они работают в процессе принятия политических решений и их легитимации? Что общего и различного в современных и старых, советских идеологических практиках? Ответы на эти вопросы требуют не только изучения наличного набора идеологических альтернатив, но и анализа особенностей их производства, обращения и конкуренции, которые в свою очередь очевидным образом зависят от меняющейся институциональной среды.

Производство смыслов является существенным условием Политики в эпоху Модерна, ибо в соответствии с *современными* принципами легитимации власти принятие политических решений предполагает постоянную коммуникацию по поводу их объяснения и оправдания. Такой формат политического обусловлен развитием институтов разделения властей, парламента и прессы, которые стимулировали выработку «публичных идей», увязывающих политический курс с тем или иным пониманием общественных и/или групповых интересов. Именно необходимость давать объяснения по поводу принимаемых решений *читающей публике* в

свое время предопределила расцвет классических идеологий, выражавших альтернативные подходы к проблемам, возникавшим в процессе модернизации [Pombeni, 2006, p. 61–62]. И хотя эпоха великих «измов», предлагавших системные целеориентированные проекты социальных и политических трансформаций, осталась в прошлом, потребность в легитимации решений путем соотнесения их с той или иной концепцией общественного блага по-прежнему остается существенным элементом политики¹. Несмотря на очевидную фрагментацию современного идеологического поля и подвижность водоразделов, определяющих различия, старые и новые идеологические маркеры («левый», «правый», «либерал», «консерватор», «националист», «фундаменталист», «радикал» и проч.), обрастая дополнениями и уточнениями, все-таки остаются ориентирами партийной и электоральной политики. По-видимому, это определяется не только инерцией языка и сложившимися практиками политической идентификации, но и принципиальной сущностной оспариваемостью целей политического развития, которые не могут определяться сугубо технически, ибо зависят от социально-исторической и ценностной перспективы. И хотя «кризис идеологий» стимулирует критику исторически сложившихся «систем убеждений» на фундаментально-философском уровне, способность элит формулировать и оспаривать политические стратегии, увязывая их с «общезначимыми» идеями общественного блага и национальных или групповых интересов, и тем самым создавать механизмы для политического самоопределения и участия граждан, по-прежнему остается необходимым условием публичной политики.

Нельзя сказать, что сфера идеологического производства в России обделена вниманием отечественных и зарубежных политологов. Особенно активно ее исследования развивались в 1990-х годах, когда многие российские политологи, философы и историки пытались анализировать комплексы идей, складывавшиеся в разных сегментах российского политического спектра, сопоставляя их с основными идеологическими традициями [Консерватизм в России, 1993; Либерализм в России, 1993; Нови-

¹ Причем не только в демократиях: развитие современных средств массовых коммуникаций обуславливает наличие такой потребности и в тех обществах, где отсутствуют устойчивые демократические институты. Хотя разумеется, стимулы к «идеологическому творчеству» элит в демократических и недемократических режимах имеют свои особенности.

кова, Сиземская, 1993; Капустин 1994а; Капустин, 1994б; Кара-Мурза А.А., 1994; Возможности либерализма., 1994; Капустин, Клямкин, 1994; Социалистическое видение современности... 1994; Консерватизм как течение., 1995; Гарбузов, 1995; Секиринский, Шелохаев, 1995; Либерализм в России, 1996; Капустин, 1996а; Капустин, 1996б; Андреев, 1997; Согрин, 1997; Прусс, 1997; Ма-линова, 1998; Холмская, 1998; Гостев, 1999; Гусев, 1999; Карцов, 1999; Алексеева, 2000; Капустин, 2000; Новикова, Сиземская, 2000; Орлов, 2000; Соловей, 2000 и др.]. Анализ, как правило, выявлял наличие серьезных объективных и субъективных препятствий для развития тех или иных «измов» на отечественной почве. На этом этапе многое было сделано для «введения в оборот» и переосмысления наследия мировой и отечественной политической философии, причем теоретические изыскания нередко направлялись желанием «извлечь уроки» из опыта великих идеологов прошлого и настоящего. Стремление части академического сообщества не только изучать комплексы политических идей, но и участвовать в их разработке особенно ярко проявилось в середине 1990-х годов, когда многие с энтузиазмом включились в инициированный Б.Н. Ельциным поиск «национальной идеи», призванной сплотить фрагментированное общество. При этом не всегда удавалось сохранять дистанцию между позициями исследователя и идеолога. Тогда же предметом дискуссии стали механизмы формирования и распространения «национальной идеи». Одни авторы, упоывая на частичное возрождение прежних методов «идеологической работы», полагали, что искомая система идей должна превратиться в новую государственную идеологию [Волков, 1999; Чубайс, 1998; Мигранян и др., 1999; Формирование новой российской идеологии., 2000 и др.], другие же исходили из того, что интегративная идеология, призванная дать «язык символов, ценностей, смыслов, на котором пойдет общероссийский диалог», должна сформироваться благодаря целенаправленным усилиям гражданского общества [Алексеева и др., 1997, с. 18; Капустин, 1996а, с. 63–66]. В 2000-х годах исследовательский интерес к теме современных российских идеологий несколько упал, что отчасти объяснялось изменением условий и стимулов для их производства: с приходом к власти В.В. Путина политический пейзаж стал более монотонным, установка на «прагматизм» пришла на смену борьбе «идеологических принципов», и роль «идей» в политическом процессе, казалось, ограни-

чилась легитимацией осуществляемого властью курса и его ритуальной критикой оппозиционными политиками.

Вместе с тем если в 1990-х годах в центре внимания исследователей были великие «измы» (либерализм, консерватизм, социализм, в меньшей мере – национализм) и их преломление в контексте российской посткоммунистической трансформации, то в 2000-х годах предметом анализа все больше становятся «неполные» идеологии, сфокусированные на отдельных аспектах политической повестки, а также конкретные идеологемы [Бузгалин, 2003; Голосов, Шевченко, 2003; Шнирельман, 2004; Работяжев, Соловьёв А.И., 2007; Раскин, 2007; Одесский, Фельдман, 2008; Шаповалов, 2008; Малинова, 2008а; Казанцев, 2008; Фадеичева, 2008; Мусихин, 2009 и др.]. Впрочем, появился ряд исследований и учебных пособий, рассматривающих идеологическое пространство с точки зрения классических «измов» [Российский либерализм, 2004; Шинковская, 2005; Суханова, 2007; Калинин, 2008; Сирота, 2009 и др.]. Примечательно, что описывая российское идейно-символическое пространство, в 2000-х годах исследователи отдают предпочтение понятиям *дискурс* [Бляхер, 2002; Петров, 2004; Шестов, 2004; Амоголонова, Скрынникова, 2005; Петров, 2006; Гаврилова, 2007; Канарш, 2008 и др.], *идея / тема* [Барсукова, 2003; Малинова, 2008б; Малинова, 2008в и др.], *риторика* [Соколов, 2005], *политический стиль* [Соколов, 2006], *дискурсивные практики* [Фадеичева, 2008] и т.п.; понятие *идеология*, имеющее устойчивую коннотацию системности и мировоззренческой последовательности, стало использоваться заметно реже, чем в 1990-х годах. Такая диверсификация терминов связана не только с освоением более широкого спектра методик эмпирического анализа и развитием специализации внутри политологического сообщества, но и с современными тенденциями развития идеологической сферы, которые стали особенно очевидны на рубеже нового тысячелетия. Можно согласиться с И. Валлерстайном, утверждавшим, что единство идеологических «семей» либерализма, консерватизма и социализма обеспечивалось тем, против чего каждая из них боролась: в отношении определения позитивных целей наблюдалось значительное разнообразие [Wallerstein, 1995, p. 77]. В результате социальных и политических трансформаций к концу XX в. эта очевидная однозначность в определении противника исчезла, что открыло путь для «гибридизации» старых идеологий, которые оказались вынуждены конкурировать с «новыми» («неполными», «молекулярными», «разбавленными», «мини-идеоло-

гиями»). Последние не пытаются предлагать системные мировоззренческие решения и уходят от широкой повестки дня, концентрируясь на конкретных проблемах.

Несколько утрируя, можно выделить два противоположных подхода к анализу российского идейно-символического пространства: «материалистический», рассматривающий его динамику как производное от эволюции политического режима¹, и «идеалистический», сфокусированный на выяснении внутренней логики развития тех или иных «измов» на российской почве (нередко – с упором на выявление отклонений от «классических» образцов и выработку рекомендаций по преодолению таковых). Представляется, что эти подходы описывают лишь часть картины, которая заслуживает более системного изучения. По-видимому, изменения в сфере производства идей – не просто следствие эволюции режима, а один из существенных ее аспектов. В свою очередь, хотя «системы идей» и имеют некую внутреннюю связность, их успех определяется не столько логической последовательностью и степенью соответствия «опробованным» классическим образцам, сколько релевантностью наличным (всегда уникальным и неповторимым) обстоятельствам и потребностям конкретных политических акторов. Если это так, то анализ идейно-символического пространства в трансформирующемся обществе должен учитывать изменение среды, в которой эти идеи производятся, распространяются и соперничают друг с другом. Именно такой подход был предложен мною и моими коллегами из Исследовательского комитета Российской ассоциации политической науки по изучению идей и идеологий в публичной сфере [Идейно-символическое пространство..., 2012]. Он развивается и в настоящей монографии.

Одна из проблем, с которой сталкивается исследователь процесса социального конструирования смыслов – это выбор инструментов описания и анализа. Существует множество понятий, содержание (т.е. набор необходимых характеристик) и объем (т.е. круг релевантных этому набору явлений) которых не только различаются в зависимости от избранной интерпретации, но и причудливо пересекаются, образуя семантическое множество, не под-

¹ В частности, как результат изменения партийной системы, которая служит институционализированным воплощением плюрализма идеологических платформ [см.: Гельман, 2006]. Впрочем, есть и работы, указывающие на обратную связь между отсутствием в обществе внятных идеологических водоразделов и слабостью политических партий [см.: Макаренко, 2007, с. 44–45].

дающееся таксономической систематизации. В данных обстоятельствах при выборе категорий анализа приходится учитывать не только эвристические возможности того или иного концепта, его «соразмерность» исследуемому кругу явлений, но и сложившиеся практики научной коммуникации. В результате поисков и размышлений, следы которых читатель обнаружит в первом разделе настоящей монографии, я решила использовать в качестве категории, задающей рамочную модель описания и анализа, «символическую политику».

Данное понятие занимает особое место в арсенале терминов, которые применяются для описания и анализа диалектического процесса формирования, распространения и конкуренции представлений, определяющих смысловые рамки восприятия социальной реальности. Авторы, выступившие в качестве пионеров исследования символической составляющей политики, попытались отказаться от целого ряда дихотомических противопоставлений, задающих границы теоретических «лагерей» в социальных науках. Они пробовали взглянуть на взаимосвязи между общественным сознанием и поведением, не устанавливая жестких границ между субъектом и объектом, индивидуальным и коллективным, материальным и идеальным и не отдавая предпочтения «объективным» методам, основанным на стандартизированном наблюдении, перед неизбежным «субъективизмом» интерпретативных подходов. Насколько эти попытки оказались успешными – предмет особого разговора. Однако несомненным достоинством категорий, явившихся их теоретическим наследием, можно считать отсутствие «встроенной» оптики, побуждающей рассматривать взаимосвязи между социальной реальностью и ее отражением в сознании, индивидом и группой, структурами и агентами, априори задавая причинно-следственные векторы от материального к идеальному¹. Это делает «символическую политику» удобной зонтичной категорией, позволяющей исследовать под разными углами широкий спектр явлений, связанных с производством и обращением смыслов.

¹ Разумеется, это не значит, что соперничающие подходы к изучению символической стороны политики не породили иных теоретических размежеваний, закрепившихся в разных интерпретациях данного концепта. Они связаны как с определением объема понятия, так и с нормативной оценкой описываемого им феномена.

Необходимость изучения смыслодержающих конструкций в качестве не только форм, опосредующих «объективную реальность», но и элементов, конституирующих политическую действительность, убедительно доказал основоположник теории политики как символического действия Мюррей Эдельман. По его мысли, «из всех живых существ только человек реконструирует собственное прошлое, воспринимает условия настоящего и предвидит будущее, основываясь на символах, которые помогают абстрагироваться, отражают, сводят воедино, искажают, нарушают связи и даже творят то, что представляют его вниманию органы чувств. Способность символически оперировать чувственными данными делает возможными сложные рассуждения, планирование и как следствие – эффективные действия. Она также обуславливает устойчивую склонность к иллюзиям, ошибкам понимания, мифам и как следствие – к неправильным или неудачным действиям». Поскольку это так, адекватное объяснение политического поведения не может не учитывать в качестве вмешивающейся переменной «формирование общих смыслов и их изменение в процессе символического постижения группами людей интересов, бремени обстоятельств, угроз и возможностей» [Edelman, 1971, p. 2]. Саму политику следует изучать как «символическую форму» [Edelman, 1964, p. 2]. *Символы*, интерпретируемые как «способы организации репертуара познаваемого (cognitions) в смыслы», как *априорные смысловые структуры, которые помогают усваивать сообщения, редуцируя их к заранее известному*, согласно концепции Эдельмана, являются основой механизма, обуславливающего восприятие социальной реальности, и следовательно – поведение [Edelman, 1971, p. 33–35].

В общественных науках существует целый набор терминов для описания символической – в указанном значении слова – функции социально конструируемых смыслов: *дискурсы, идеи, представления, образы, мифы, фреймы, нарративы*, собственно *символы* (в более узком значении знака или изображения, условно «воплощающего» некие явления или идеи) и др. Это далеко не полный перечень понятий, схватывающих различные связи и эффекты, которые возникают вследствие того, что человеческое сознание способно «осваивать» социальный мир исключительно за счет символической редукции, осуществляемой на основе социально конструируемых и коллективно разделяемых смыслов. Все эти категории могут рассматриваться в качестве инструментов описания и анализа проблемного поля символической политики.

Концепт символической политики (в значении как *symbolic politics*, так и *symbolic policy*) используется в качестве инструмента эмпирического описания и анализа в конфликтологии [Harrison, 1995; Kaufman 2006], исследованиях публичной политики [Cohen 1999; Birkland, 2005; Schneider, Ingram, 2008], политических коммуникаций [Gamson, Stuart, 1992], а также в работах, посвященных изучению коллективных действий [Brysk, 1995]. С ним работают и некоторые российские авторы [Поцелуев, 1999; Поцелуев, 2012; Мисюров, 1999; Киселев, 2006; Малинова, 2010б; Символическая политика, 2012 и др.]. При этом предлагаются различные определения ключевого термина – что неудивительно, ибо речь идет о широкой категории, описывающей фундаментальное свойство человеческой деятельности, пересечения которого с полем политики можно рассматривать под разными углами зрения. Одним из наиболее существенных теоретических водоразделов в понимании содержания данной категории является различие между подходами, противопоставляющими символическую политику «реальной», «материальной»¹ – и подходами, которые рассматривают первую как специфический, но неотъемлемый аспект второй.

Противопоставление «символических» и «материальных» эффектов политики, как правило, имеет место в контексте обсуждения проблем, связанных с «медиатизацией» современного политического процесса, которая объективно способствует усилению автономии деятельности, связанной с его публичной репрезентацией, и ведет к «отступлениям» от нормативной логики демократической легитимации власти. С учетом данного обстоятельства, символическая политика нередко рассматривается как своеобразный суррогат «реальной» политики. Именно в такой интерпретации это понятие было впервые введено в российский научный оборот С.П. Поцелуевым. Согласно его определению, символическая политика – это «особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эф-

¹ Многие авторы, придерживающиеся такого разграничения, отмечают его условность, ибо «символическая» политика может иметь вполне материальные последствия, а «материальные» меры (связанные, например, с распределением финансовых ресурсов) – быть инструментом борьбы за утверждение определенных способов интерпретации действительности [Cohen, 1999, p. 2; Birkland, 2005, p. 150–151; Schneider, Ingram, 2008, p. 207].

фектов»¹. Символическая политика предполагает «сознательное использование эстетически-символических ресурсов власти для ее легитимации и упрочения посредством создания символических «эрзацев» (суррогатов) политических действий и решений [Поцелуев, 1999, с. 62]. Таким образом, данный подход сфокусирован на целенаправленной репрезентации деятельности политических акторов в публичном пространстве (и прежде всего – в СМИ), которая может не совпадать с непубличной (но от этого не менее реальной) стороной политики. В качестве «символического элемента» политики рассматривается то, что целенаправленно «конструируется» политическими элитами в расчете на манипуляцию сознанием масс.

Вместе с тем очевидно, что символическая функция политики не сводится к производству идеологических конструкций – даже если, принимая во внимание развитие визуальных технологий коммуникации, мы не будем связывать идеологии исключительно с вербальными формами.

Во-первых, элиты, «конструирующие» смыслы, сами действуют в рамках социально разделяемых систем смыслов и, участвуя в их производстве и воспроизводстве, «подчиняются» их логике. Символическая составляющая политики не рефлексивируется ее акторами в полной мере, а эффекты того, что П. Бурдьё называл «символической властью»² не всегда достигаются за счет прямой пропаганды. Как точно заметил Эдельман, «наиболее глубоко укорененные политические убеждения не формируются открытыми призывами принять их и не дебатированы в тех субкультурах, где их разделяют. Они создаются формой политического действия, гораздо более мощной, чем риторические разъяснения, и слишком значимы для людей, чтобы подвергать их сомнению в публичных дебатах» [Edelman, 1971, p. 45]. *Символическая политика как деятельность, связанная с производством определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование*, не ограничивается социально-инженерным «изобретением» смыслов. Она связана с социальным конструированием реально-

¹ В работах С.П. Поцелуева можно найти и другие определения символической политики [Поцелуев, 2012].

² По Бурдьё, символическая власть – это «власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир, а значит, сам мир...» [Бурдьё, 2007, с. 95].

сти, как его описывали П. Бергер и Т. Лукман [Бергер, Лукман, 1995]. Стремящиеся манипулировать сознанием масс элиты не только «осуществляют» символическую политику, но и сами действуют, ориентируясь на символические сигналы, поступающие со стороны правительства [Edelman, 1971, p. 10] и других политических акторов.

Во-вторых, в поле символической политики действуют специфические механизмы¹, изучение которых позволяет лучше понимать, почему одни способы интерпретации социальной реальности оказываются более влиятельными, нежели другие, чем определяется успех и какие ресурсы работают более эффективно. Как верно заметил Бурдьё, «идеологии всегда детерминированы дважды»: не только выражаемыми ими интересами групп, но и «специфической логикой поля производства» [Бурдьё, 2007, с. 93]. Задача исследователей символической политики – постижение этой логики².

В-третьих, более широкий взгляд на символическую политику не ограничивает круг ее участников представителями властвующей элиты – он ориентирует и на изучение деятельности акторов, использующих символы для изменений снизу [Brysk, 1995]. Разумеется, государство занимает особое положение на поле символической политики, поскольку оно обладает возможностью навязывать поддерживаемые им способы интерпретации социальной реальности с помощью властного распределения ресурсов, правовой категоризации, придания символам особого статуса, возможности выступать от имени макрополитического сообщества на международной арене и т.п. Однако несмотря на эти эксклюзивные ресурсы и возможности доминирование поддерживаемых

¹ Можно согласиться с Э. Бриск, которая утверждает, что исследование символической политики связано с изучением механизмов, а не законов [Brysk, 1995, p. 561]. По определению Ч. Тилли и Р. Гудина, «механизмы образуют определенный класс событий, которые меняют отношения между выделенными элементами сходным или почти сходным образом во множестве ситуаций». Хотя механизмы по определению производят единообразные непосредственные эффекты, их кумулятивные и долговременные эффекты более вариативны, ибо зависят от внешних условий и взаимодействия с другими социальными механизмами [Tilly, Goodin, 2006, p. 15]. Механизм – это меньше, чем теория, но больше, чем описание, ибо может служить в качестве модели для объяснения других случаев.

² Можно говорить о постепенном накоплении такого рода эмпирических обобщений на основе изучения функционирования символов в разных формах и в разных контекстах. См., напр.: [Brysk, 1995, p. 576–579; Schopflin, 1997; Coakley, 2007].

государством интерпретаций социальной реальности отнюдь не предрешиено: даже если «нужная» нормативно-ценностная система навязывается насильственными методами, у индивидов остается возможность «лукавого приспособления»¹ и «двоемыслия». Оспаривание существующего социального порядка – не менее важная часть символической политики, чем его легитимация.

Символическая политика осуществляется в *публичной сфере*, т.е. виртуальном пространстве, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности, иными словами – имеет место конкуренция разных способов интерпретации социальной реальности. Институциональные параметры публичной сферы оказывают значимое влияние на символические стратегии и возможности акторов. Поэтому исследование символической политики сопряжено с изучением среды, в которой производятся, распространяются и конкурируют разные способы интерпретации социальной реальности, а также особенностей стратегий акторов, участвующих в данных процессах.

Предлагаемая вниманию читателя книга – это опыт изучения различных аспектов символической политики в постсоветской России и анализа методологических дискуссий относительно концептов, традиционно используемых для описания социальных функций «идей». В нее вошли материалы исследований, проводившихся с 2003 по 2012 г. и уже публиковавшиеся в виде статей, преимущественно, но не только – в изданиях ИНИОН РАН. Их объединение под одной обложкой не было механическим – многое потребовалось переосмыслить и переработать. Не будучи результатом осуществления единого исследовательского плана, настоящая книга тем не менее представляет собой вполне целостную работу, связанную не только предметом, но и логикой исследовательского подхода, развивающего концепцию *символической политики*.

В первой ее части рассматриваются теоретические и методологические проблемы, связанные с использованием идеальных факторов в качестве независимых переменных при исследовании

¹По мысли Ю.А. Левады, советские идеологические практики, навязывавшие индивидам универсальную нормативно-ценностную систему, формировали «человека лукавого», соглашавшегося с предписываемыми установками – и одновременно искавшего способ их обойти [Левада, 2000, с. 508–529].

политических процессов, а также различные подходы к концептуализации понятий, традиционно используемых для описания социальных функций «идей» – идеологии, политической культуры, идентичности. При этом особое внимание уделяется способности такого рода понятий выступать в роли категорий политической практики и связанных с этим проблемам их использования в качестве инструмента анализа.

Вторая часть монографии посвящена исследованию связи между трансформацией институтов публичной сферы и условиями производства и конкуренции общественных идей в постсоветской России. Особое внимание в ней уделяется особенностям идеологических представлений российской политической элиты, а также анализу практик обсуждения общественных проблем.

В третьей, заключительной, части представлен анализ различных аспектов символической борьбы, связанной с дискурсивным конструированием идентичности макрополитического сообщества, стоящего за современным Российским государством. В частности, исследуется конкуренция различных подходов к интерпретации оснований, границ и ценностно-символического содержания постсоветской российской идентичности. Автор использует методологию дискурсивного анализа в качестве инструмента исследования глубинных процессов, воздействующих на эволюцию трендов общественного развития и обеспечивающих устойчивость (или неустойчивость) демократических преобразований.

Летом 2012 г., когда шла работа над этой книгой, казалось, что некий этап в истории российской политики завершен, и пора оглянуться и подвести итоги. Насколько этот опыт «ретроспективной монографии» удался, судить читателю. Мне же как автору остается с благодарностью вспомнить тех, кто так или иначе был причастен к ее созданию. Спешу воспользоваться этой возможностью, чтобы выразить искреннюю признательность моим коллегам по ИНИОН РАН – Ю.С. Пивоварову, М.В. Ильину, Е.Ю. Мелешкиной, А.И. Миллеру, Д.В. Ефременко, К.П. Кокареву, в спорах с которыми, подчас весьма бурных, и в мимолетных обменах мыслями на бегу вызревали идеи, составившие эту книгу. Десять лет нашей совместной работы – это большое счастье, которое я очень ценю. Спасибо С.В. Патрушеву, чей профессиональный опыт и мудрые советы помогли мне превратить груду текстов в книгу. Моя неизменная благодарность всем тем, с кем довелось сотрудничать в рамках исследовательских и издательских проектов, результаты которых нашли отражение в главах этой монографии –

И.С. Семененко, А.И. Соловьёву, Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой, О.В. Гаман-Голутвиной, М.А. Липман, С.П. Поцелуеву, О.В. Поповой, Л.Н. Тимофеевой, А.Ю. Сунгурову, М.В. Гавриловой, Л.А. Фадеевой и другим коллегам по Исследовательскому комитету РАПН по изучению идей и идеологий в публичной сфере. Особые слова признательности – Российскому гуманитарному научному фонду, поддерживавшему многие из наших проектов (о чем подробнее будет сказано в конкретных главах), и благодатной для творчества атмосфере Института Кеннана (г. Вашингтон), Центрально-Европейского Университета (г. Будапешт) и Александровского института (г. Хельсинки), где довелось за эти годы поработать в качестве приглашенного исследователя. Наконец, ничего бы не получилось, если бы не любовь и доверие моих близких, которые год за годом терпеливо переносят муки моего творчества. Огромное им за это спасибо.